

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-22>

УДК 340.12



Attribution

cc by

ФЕНОМЕН ЗАКОННОСТИ: СУЩНОСТЬ И СМЫСЛОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Савенков А.А.

АО «НАСК»

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу законности как ключевого, но методологически проблемного понятия в современной юриспруденции. Автор подчеркивает, что, несмотря на многовековую эволюцию правовой мысли, целостное понимание этого многогранного феномена остается не выработанным. Отмечается недостаточность его междисциплинарного исследования в истории политико-правовых учений, философии и теории права. В работе критически рассматриваются основные научные подходы: от классических концепций, разделяющих легальность и легитимность (с опорой на философию Канта), до современных редукционистских течений, в частности «нового правового реализма». Показано, что последний, растворяя право в политических, экономических и социальных контекстах, элиминирует саму проблему законности, что ведет к ее инструментализации и правовому нигилизму. На примере резонансных судебных дел о финансовых преступлениях в Германии иллюстрируются практические сложности обеспечения законности. Делается вывод о необходимости поиска сбалансированной формулы законности, учитывающей как нормативный идеал, так и национальную правовую специфику, и преодолевающей крайности нормативизма и социологического редукционизма.

Ключевые слова: законность, правопорядок, легитимность, философия права, новый правовой реализм, правосознание, верховенство права, методология правовых исследований.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE PHENOMENON OF LEGALITY: THE ESSENCE AND SEMANTIC CHARACTERISTICS

Artyom A. Savenkov

NASK JSC

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of legality as a key but methodologically problematic concept in modern jurisprudence. The author emphasizes that, despite the centuries-old evolution of legal thought, a holistic understanding of this multifaceted phenomenon remains undeveloped. The insufficiency of his interdisciplinary research in the history of political and legal doctrines, philosophy and theory of law is noted. The paper critically examines the main scientific approaches: from classical concepts separating legality and legitimacy (based on Kant's philosophy) to modern reductionist trends, in particular, the «new legal realism». It is shown that the latter, by dissolving law in political, economic and social contexts, eliminates the very problem of legality, which leads to its instrumentalization and legal nihilism. The high-profile court cases of financial crimes in Germany illustrate the practical difficulties of ensuring legality. The author concludes that it is necessary to find a balanced formula of legality that takes into account both the normative ideal and national legal specifics, and overcomes the extremes of normativism and sociological reductionism.

Keywords: legality, law and order, legitimacy, philosophy of law, new legal realism, legal awareness, rule of law, methodology of legal research.

Funding: Independent work.

Введение.

Современные концепции законности представляют собой результат многовековой эволюции юридической мысли, в ходе которой ученые стремились выработать точные и эффективные дефиниции её сущности и функциональной роли.

Историческое развитие представлений о законности характеризуется динамикой и преемственностью, что позволяет рассматривать её как сложный и многогранный феномен, подвергающийся постоянным трансформациям [4, с. 41].

Несмотря на то, что отдельные аспекты законности изучались на протяжении длительного времени,

её комплексное историко-правовое исследование остается недостаточно разработанной проблематикой в рамках юридической науки [5, с. 31].

Анализ ключевых аспектов законности, таких как верховенство права, равенство всех субъектов перед законом, справедливость и легитимность, является центральным направлением в трудах множества выдающихся мыслителей. Однако, несмотря на обширную научную литературу по данной проблематике, до сих пор отсутствует целостное и системное осмысление феномена законности как комплексного правового явления. Многие аспекты данного феномена трактуются неоднозначно, что порождает интенсивные дискуссии

среди представителей научного сообщества [1; 2; 5; 7; 11].

Одни исследователи связывают законность с деятельностью государственных органов, акцентируя внимание на её институциональном аспекте, тогда как другие акцентируют внимание на правосознании и социальной природе законности, рассматривая её как феномен, имманентно присущий правовому порядку.

Таким образом, проблема законности остается актуальной и многогранной, требующей междисциплинарного подхода для формирования целостного представления о её сущности и роли в правовом государстве.

Вопросы законности на протяжении многих десятилетий рассматривались преимущественно в рамках отраслевых и институциональных контекстов. Тем не менее, её общетеоретическое и сравнительно-историческое осмысление, особенно на фоне досоветского и постсоветского периодов, до сих пор остается недостаточно изученной. Многие исследования, посвященные законности в постсоветский период, склонны к упрощению её интерпретации, что во многом обусловлено логикой «антибуржуазной критики», переданной из прошлого. Эта логика трансформировалась в тенденцию к политическому самобичеванию, основанному на утопических исторических моделях, а не на эмпирических данных.

Законность является ключевым элементом конституционной организации общества и играет центральную роль в формировании юридической науки. Однако её значение как интегративного элемента мировоззрения и движущей силы правомерного поведения часто недооценивается.

Для анализа легальности необходимо рассмотреть два ключевых компонента: внешний порядок государственного и социального взаимодействия, характерный для западноевропейской правовой традиции, и внутренний аспект, связанный с правосознанием, включая когнитивные, мотивационные и волевые составляющие правомерного поведения.

Формирование теоретических и прикладных аспектов законности нередко сопровождалось некритическим заимствованием иностранных правовых моделей, что приводило к использованию чужеродных критериев оценки законности и мотивации правомерного поведения. Это искажало традиционное представление о нормальной организации государства и создавало терминологическую путаницу между понятиями «легальность», «законность» и «легитимность».

Попытки разграничения этих категорий в XX–XXI веках часто имели дестабилизирующий эффект, поскольку анализ законности как обобщения успешных правовых практик, например, официальной криминальной статистики в России и Германии, подменял

реальное положение вещей желаемым и не учитывал специфику национальной правовой системы. Так, в 2018 году суд в Германии рассмотрел резонансное дело, связанное с руководством финансового учреждения «Инфинус» в Дрездене. Данный процесс привел к вынесению приговоров, предусматривающих сроки лишения свободы от 8 до 5,4 лет для осужденных. Они были признаны виновными в создании финансовой пирамиды, основанной на принципе «снежного кома», что заключалось в систематическом введении в заблуждение вкладчиков. В результате мошеннической схемы пострадали 22 000 человек, а общий ущерб оценивается в 312 миллионов евро¹.

Участники преступной группы заключали фиктивные сделки между 22 различными организациями, что создавало иллюзию прибылей, не имеющих под собой реальной экономической основы. Вкладчикам и брокерам была предложена мнимая экономическая модель, которая на практике не существовала. Долговые обязательства, которые должны были быть погашены, продавались с обещанием высоких процентных ставок, которые могли быть выплачены исключительно за счет средств новых инвесторов.

Расследование данного дела было инициировано в 2012 году по инициативе центрального банка ФРГ и Службы по финансовому надзору. В 2013 году, в ходе масштабного полицейского рейда, были изъяты значительные активы, включая виллы, дорогие автомобили и другие предметы роскоши. Тем не менее, с осени 2016 года все осужденные были освобождены под залог или другие меры пресечения, что вызвало критику со стороны правозащитников и экспертов в области финансового права.

Другим значимым примером является дело о мошенничестве компании «Феникс», которое привело к ущербу в размере 500 миллионов евро и затронуло 30 000 вкладчиков. Немецкие медиа продолжают сообщать о том, что жертвы мошенничества, несмотря на наличие правовых механизмов, фактически лишены возможности получения компенсации.

Наконец, следует обратить внимание на уголовное дело против группы компаний P&R, специализировавшейся на аренде контейнеров². Данное дело находится на стадии рассмотрения в суде. С 2010 года P&R поддерживала свою деятельность за счет мошеннических схем, привлекая средства вкладчиков. Из общего числа 1,6 миллиона контейнеров, в которые было вложено 3,5 миллиарда евро, лишь 600 000 контейнеров фактически существовали. Большинство вкладчиков данной группы компаний не имеют реальных шансов на возмещение ущерба, что подчеркивает масштаб и сложность проблемы финансовых преступлений в Германии.

¹ См.: Ex-Infinus-Manager zu Haftstrafen verurteilt // <https://www.n-tv.de/wirtschaft/Ex-Infinus-Manager-zu-Haftstrafen-verurteilt-article20520903.html>

² См.: Staatsanwaltschaft plant Anklage im P&R-Skandal bis März 2019. Die Behörde rechnet mit einer Anklage. P&R hatte jahrelang

ein Schneeballsystem betrieben, der Großteil der vermieteten Container existierte nie // <https://www.handelsblatt.com/unternehmen/handel-konsumgueter/container-vermieter-staatsanwaltschaft-plant-anklage-im-pundr-skandal-bis-maerz-2019/23700028.html?ticket=ST-567463-D9TXorwDmdnYHzbVKmcK-ap2>

Суть проблемы законности можно раскрыть через несколько ключевых тезисов.

Во-первых, законность как правовая идея претерпела значительные трансформации в контексте современного понимания права. В отличие от традиционного подхода, где законность рассматривалась как абстрактная категория, в современном правоведении она интерпретируется как отношение субъектов права к ней. Этот подход соответствует установкам прагматизма и нормативизма, представленного в трудах Ганса Кельзена, который рассматривал законность как нормативную основу правовой системы.

Во-вторых, законность остаётся важным идеологическим фактором. В советский период её восприятие было обусловлено политической идеологией, а на Западе — политическими стандартами. Анализ законности часто экстраполировался на другие правовые системы, что приводило к замене реальных фактов желаемыми и создавало иллюзию универсальности правовых моделей.

В-третьих, недостаточное внимание к правосознанию является серьёзным препятствием для обеспечения законности. Анализ законодательных актов выявляет упущения в этой сфере, что создаёт впечатление неуверенности в их обязательности. Хотя процессуальные кодексы детально регламентируют порядок отправления правосудия, сама идея законности должна быть внутренне присуща праву и отражаться в правосознании граждан. Например, судебное решение не может быть незаконным, если оно соответствует действующему законодательству. Проблема заключается в том, что понимание законности должно соответствовать способу регулирования общественных отношений, а избыточность и неуверенность формулировок в законодательстве свидетельствуют о недостатках правосознания.

Поиск оптимальной формулы законности, учитывающей региональные особенности и специфику правовой культуры, остается актуальной задачей для современной юридической науки и практики.

Исследования проблемы законности сталкиваются с очевидным дефицитом принципов, укорененных в философских традициях картезианства и кантианства, которые подчеркивают необходимость критической саморефлексии в процессе познания. В многочисленных работах, посвященных конкретным аспектам законности, часто игнорируются фундаментальные и нерешенные вопросы, хотя и признается важность обновления методологических подходов в юридических науках. В результате, проблема законности, хотя и признана значимой, воспринимается как устаревшая, что порождает серьезные методологические сомнения и вызывает необходимость критического пересмотра существующих подходов.

Этот методологический пробел особенно заметен в попытках интегрировать понятие «легитимность» в юридическую теорию. Легитимность, как термин, не является новым и тесно связана с понятием законности. Тем не менее, легитимность предполагает

существование более высокой формы законности по сравнению с формальной и традиционной легальностью. Различие между легальностью и легитимностью активно обсуждается в современной правовой науке, что свидетельствует о сложности и многогранности данного вопроса [8, с. 9].

Вопрос о разграничении легальности и моральности права, впервые поднятый И. Кантом в конце XVIII века, остается одной из центральных тем правовой теории на протяжении двух столетий.

В кантианской философии понятие «легитимность» стремится найти теоретическую основу, хотя Кант не стремился всесторонне разъяснить проблему легальности. В своей философской системе он сосредоточился на анализе мотивов социальных поступков, рассматривая их через призму категорического императива.

Кант утверждал, что поступок является правомерным, если он совместим со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом [6, с. 223]. Он также подчеркивал, что если целью является не обучение добродетели, а только демонстрация правовых принципов, всеобщий правовой закон не должен быть мотивом поступка [6, с. 254], что указывает на различие между легальностью и моральностью.

Всеобщий правовой закон, по Канту, гласит: «Поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произволения было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом; этот правовой закон, хотя и налагает на меня обязанность, во все не ожидает и еще в меньшей мере требует, чтобы я ради одной только этой обязанности ограничил свою свободу...», «делать правые поступки своей максимой — это требование, предъявляемое мне этикой» [6, с. 254].

Кант четко отделял сферу морали от правовой сферы, утверждая, что делать правые поступки своей максимой — требование этики.

Таким образом, кантовское разграничение легальности и моральности было направлено на решение конкретной задачи внутри его философской системы, а не на создание теоретической основы для противопоставления двух типов законности.

В современном правоведении принцип законности подвергается критическому анализу с позиции многозначной модели, акцентирующей внимание на взаимодействии правовых норм с политическими, экономическими и культурными факторами. Данная модель предполагает, что содержание законности определяется сложным комплексом внешних детерминант, которые могут доминировать над правовыми принципами, что приводит к редукционистским подходам. Эти подходы, в свою очередь, позволяют интегрировать методологические инструменты из смежных общественных наук, что зачастую размывает специфику изучения легальности как юридического понятия.

Ярким примером является позиция, доминирующая в западной правовой доктрине, особенно в англо-американской традиции, которая постулирует

приоритет политической «этики свободы и демократии» над требованиями законности [3, с. 79]. Данная парадигма приводит к тому, что в юридических исследованиях доминируют политические подходы и категории, что может привести к ситуации, когда право, как инструмент политики, отвергается в случае несоответствия политическим задачам.

Эта тенденция достигла своего апогея в концепции «нового правового реализма» [10; 11], которая приобрела значительное влияние в последние два десятилетия. Представители данного направления предлагают элиминировать из понятия права любые нормативные элементы, рассматривая ключевые категории юриспруденции, такие как верховенство права и юридическая сила, как анахронизмы. По мнению «новых реалистов», эти концепты препятствуют созданию юриспруденции будущего, которая должна представлять собой симбиоз права, политики, экономики и социологии. Методологическая основа данного подхода, базирующаяся на «эмпиризме, критическом прагматизме и проблемно-ориентированном подходе», фактически отрицает автономию права как нормативного порядка. Несмотря на заявления о «месте для концептуального и теоретического анализа», концепция «нового правового реализма» остается внутренне противоречивой и методологически эклектичной [12, р. 831].

Подход «новых правовых реалистов» к проблеме легальности позволяет сделать некоторые критические замечания относительно возможности его применения.

Во-первых, упрощение права до совокупности его внешних функций - политических, экономических, социальных — игнорирует его глубинную сущность. Право представляет собой автономный нормативный порядок, главная ценность которого заключается в обеспечении стабильности, предсказуемости и формального равенства. Именно эта автономия служит гарантией против произвола. В случае же её утраты и растворения права в иных социальных регуляторах, оно лишается своей фундаментальной защитной роли по отношению к человеку и обществу.

Во-вторых, непосредственно с редукционизмом связана проблема инструментализации права. Когда право начинает рассматриваться исключительно как инструмент для достижения сиюминутных политических или идеологических целей, его предписания теряют безусловный характер. Такой подход закономерно порождает правовой нигилизм со стороны самих властных структур, которые начинают воспринимать правовые нормы не как обязательную основу деятельности, а как препятствие, которое можно игнорировать или обойти.

В-третьих, обозначенные проблемы имеют глубокие методологические корни, проявляясь в остром конфликте внутри современной юриспруденции. Противостояние между классической теорией верховенства права и такими направлениями, как «новый правовой реализм», отражает более фундамен-

тальное противоречие между нормативно-догматическим и социологически-реалистическим подходами к пониманию права. Опасность последнего заключается в том, что, отказываясь от нормативного идеала - эталона должного правового порядка — он лишает юридическую науку критерия для критической оценки правовой действительности. Без такого идеала критика вырождается в простое описание существующих практик, теряя свой преобразующий потенциал.

В рамках парадигмы «нового правового реализма», проблема законности утрачивает свою аналитическую значимость и элиминируется как избыточный элемент правовой реальности. Данная концепция фокусируется не на предписанном нормами должном порядке, а исключительно на эмпирически наблюдаемых поведенческих паттернах, с одной стороны, и их случайных или тенденциозных отклонениях - с другой.

Следовательно, если юриметрический и бихевиористский анализ выявляют изменения в деятельности судей, отклоняющиеся от устоявшихся стандартов, это воспринимается не как угроза правовой стабильности (*status quo*), а как потенциальный источник формирования новой поведенческой модели.

Аналогичным образом, для анализируемого подхода, получившего широкое распространение в американской, британской и австралийской междисциплинарной литературе (юридической, политологической, социологической и экономической), снимается и проблема легитимности. Последняя, понимаемая как специфическая форма законности, основанная на общественном признании права, теряет свою актуальность. Более того, в парадигме «нового правового реализма» не является существенным и критерий признания со стороны «нормального судьи» - концепт, унаследованный от школы «свободного права», который выступает условным выражением коллективного мнения судейского корпуса. Основное значение придается исключительно фактическому поведению правовых акторов и детерминирующим его факторам. При этом как демонстрирует анализ американской правовой системы, ключевыми детерминантами зачастую выступают внеправовые аспекты, такие как партийная принадлежность, влияние экономических интересов или социальное происхождение. Именно эти факторы и формируют, с точки зрения сторонников подхода, предметное поле юридической науки.

Таким образом, центральным тезисом «нового правового реализма» является радикальный пересмотр предмета юридического познания: акцент смещается с нормативно-должного на эмпирически-сущее. Критерии законности и легитимности замещаются анализом реальных поведенческих практик и их детерминант, среди которых первостепенная роль отводится социально-экономическим и политическим факторам.

Заключение.

Проблема законности остается одной из наиболее сложных и методологически противоречи-

вых в современной юриспруденции. Проведенный анализ демонстрирует, что ни классические подходы, разделяющие легальность и легитимность, ни радикальные концепции «нового правового реализма», растворяющие право в социально-политических контекстах, не предлагают исчерпывающего решения. Утрата нор-

мативного идеала законности ведет к ее инструментализации и правовому нигилизму, что подтверждается практикой.

Перспективным направлением нам представляется поиск сбалансированной модели, которая, сохраняя автономию права как нормативного порядка, интегрирует понимание его взаимосвязи с правосознанием и спецификой национальной правовой культуры.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 187 с. EDN: SIFYFJ
2. Вопленко Н. Н. Социалистическая законность и применение права / под ред. М. И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. 184 с.
3. Горбань В. С. Историография психологических теорий права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 4. С. 79-104. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-4-5 EDN: CDVYQL
4. Горбань В. С. О важности и методологических аспектах историографических исследований политических и правовых учений // Государство и право. 2024. № 8. С. 41-54. DOI: 10.31857/S1026945224080048 EDN: KQYQDL
5. Графский В. Г. Власть законов: история идеи и современность // Политико-правовые ценности: история и современность / отв. ред. В. С. Нерсесянц; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 31-95.
6. Кант И. Метафизика нравов // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 223-543.
7. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М.: Юридическая литература, 1973. 344 с.
8. Плигин В. Н. Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях: автореф. дис.... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2021. 51 с.
9. The new legal realism. Volume I, Translating law-and-society for today's legal practice / ed. by E. Mertz, S. Macaulay, T. W. Mitchell. New York: Cambridge University Press, 2016. 303 p.
10. The new legal realism. Volume II, Studying law globally / ed. by H. Klug, S. E. Merry. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 563 p.
11. Shapiro S. J. Legality. Cambridge, Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 472 p.
12. Sunstein C., Miles T. The New Legal Realism // University of Chicago Public Law & Legal Theory Working Paper. 2007. No. 191. P. 831-851.

References:

1. Alekseev S. S. The mechanism of legal regulation in the socialist state. Moscow: Legal literature, 1966. 187 p. EDN: SIFYFJ
2. Voplenko N. N. Socialist legality and the application of law / edited by M. I. Baytin. Saratov: Publishing house of Saratov University, 1983. 184 p.
3. Gorban V. S. Historiography of psychological theories of law // Bulletin of the Moscow University. Episode 11: Law. 2024. No. 4. pp. 79-104. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-4-5 EMAIL ADDRESS: CDVYQL
4. Gorban V. S. On the importance and methodological aspects of historiographical studies of political and legal doctrines // State and Law. 2024. No. 8. pp. 41-54. Identification number: 10.31857/S1026945224080048 EDITED number: KQYQDL
5. Grafsky V. G. The power of laws: the history of ideas and modernity // Political and legal values: history and modernity / ed. by V. S. Nersesyan; Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law. Moscow: Editorial URSS, 2000. pp. 31-95.
6. Kant I. Metaphysics of morals // Collected works: in 8 volumes vol. 6. Moscow: Choro, 1994. pp. 223-543.
7. Lukasheva E. A. Socialist legal awareness and legality. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1973. 344 p.
8. Pligin V. N. The problem of legitimacy in modern political and legal doctrines: abstract of the dissertation of Dr. Yurid. sciences': 12.00.01. Moscow, 2021. 51 p.
9. New legal realism. Volume I "Translation of Law and Society for modern Legal practice" / edited by E. Merz, S. Macaulay, T. W. Mitchell. New York: Cambridge University Press, 2016. 303 p.
10. The new legal realism. Volume II "Global Study of Law" / edited by H. Kluge, S. E. Merry. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 563 p.
11. Shapiro S. J. Legality. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 2011. 472 p.
12. Sunstein S., Miles T. New legal realism // Working paper of the University of Chicago on Public Law and Theory of Law. 2007. No. 191. pp. 831-851.

Информация об авторе:

Савенков Артем Александрович, кандидат юридических наук, директор правового и корпоративного развития АО «НАСК», E-mail: artyomhabil@yandex.ru
Artyom A. Savenkov, PhD in Law, Director of Legal and Corporate Development, NASK JSC.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.09.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.10.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.